

УКРАИНСКАЯ ЗИМА

Пётр Немировский

Пётр Немировский

**УКРАИНСКАЯ
ЗИМА**

Бостон • 2023 • Чикаго

ПЁТР НЕМИРОВСКИЙ Украинская зима
PETR NEMIROVSKIY Ukrainian winter

Copyright © 2023 by Petr Nemirovskiy

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-00-5

Published by M•Graphics | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com
✉ mgraphics.books@gmail.com

In cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com
✉ printbookru@gmail.com

Proofreading by Julia Grushko
Book design by Yuliya Timoshenko © 2023
Cover design by Larisa Studinskaya © 2023

Printed in the United States of America

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Без родины можно прожить	9
Это не моя война	15
Шестиугольный талисман.	20
Зона повышенной турбулентности	25
Пустой автобус	29

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Странная тошнота	37
Вороны Берковецкого кладбища	44
Лишённый крыльев	52
Обличье зла. Встреча с Кобзарём	65

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Молись за него».	81
Труп в Бучанском саду	99

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Новый старый город	107
Зажигание свечей.....	109
Преступница	119

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

«Где пан родился?»	123
Эпилог	141

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Без родины можно прожить

Я работал, вернее, подрабатывал парамедиком на «скорой помощи». Три, а порой и четыре смены в неделю ездил по Нью-Йорку с напарником, забирая пациентов из разных мест и доставляя их по назначению. Среди пациентов, которых обслуживала наша компания, в основном были старики. Мы отвозили их в больницы или различные медицинские учреждения. Но встречались и молодые, и среднего возраста: иногда по распоряжению диспетчера мы подбирали с улиц жертв автомобильных аварий, покалеченных в драках, наркоманов в передозах, имели дело и с психиатрическими пациентами.

В последнее время я старался выбирать свою смену так, чтобы в паре со мной работал мой 20-летний сын Давид, недавно получивший сертификат парамедика. Давид учился в колледже на Манхэттене на медицинского инженера. По моему совету, он закончил ещё и полугодовые курсы, чтобы во время учёбы в колледже подрабатывать парамедиком. Сыну эта работа нравилась, учёбе в колледже она не мешала, к тому же, по моему мнению, расширяла круг его медицинских познаний, что могло пригодиться для его будущей профессии, тоже связанной с медициной. Ну, и пару долларов в кармане тоже никогда не помешают. Словом, у нас с сыном неожиданно сложилась семейная команда парамедиков.

Для меня же эта работа была нужна, в первую очередь, в качестве финансового подспорья. Что же касается самой работы как таковой, то настоящий живой интерес к ней у меня был только вначале, но три года спустя этот интерес заметно ослабел. То, что когда-то вначале мне казалось разнообразным и непредсказуемым, постепенно превратилось в рутину. Подобное наверняка случается с любой работой, говорят, даже у актёров или журналистов, то есть даже у людей творческих профессий, происходит похожее. Что уж говорить в таком случае о работе санитара?

По образованию я историк. Когда-то в Киеве закончил исторический факультет в университете. В Нью-Йорке долгое время пришлось работать в разных местах, не имевших ничего общего с профессией историка. Но страстие к истории меня не покидало и в Нью-Йорке. В конце концов мне удалось получить должность преподавателя истории в одном колледже в Нью-Йорке, где я вёл два класса на программе для бакалавров. Также три года назад я поступил в аспирантуру, чтобы получить степень доктора (PhD) истории. Степень доктора в будущем давала бы мне возможность работать в колледже профессором уже не по краткосрочному контракту, а на постоянной основе и на полную ставку, то есть вести не два класса, как сейчас, а четыре или пять, участвовать в различных академических проектах, разрабатывать учебную программу, короче, иметь полноценную работу, которая мне бы нравилась и где бы я чувствовал себя на своём месте.

Так бывает в жизни, у каждого складывается по-своему: один сразу, найдя своё призвание, направляет все силы в одном направлении, бьёт в одну точку и часто достигает успеха. (Впрочем, не всегда.) А вот у другого путь идёт зигзагами, порой до того причудливыми, что человек может

даже сбиться с курса, потерять конечную цель. И вдруг — выходит победителем! Словом, общих правил нет.

Как аспирант университета третьего года обучения, я уже приступил к работе над диссертацией. Темой диссертации выбрал «Оппозиция при цезарях в Древнем Риме». Конечно, я мог выбрать тему, связанную с Киевом, Киевской Русью или современной Украиной, что было бы, пожалуй, более естественно и проще, так как я родом из Киева, пять лет в киевском универе изучал историю Украины. Но я выбрал Древний Рим.

Украину я никогда не любил, как, наверняка, не любили её многие евреи, жившие в Украине и покинувшие её при первой же появившейся возможности «свалить» после развала Совка. Я считал украинцев — если не всех, то подавляющее их большинство — антисемитами, антисемитами по духу, и этого одного для меня было достаточно, чтобы не любить ни Украину, ни украинцев.

При этом, как ни странно, большинство моих киевских друзей студенческой поры были украинцами. Близкие друзья, с которыми мы «гудели» во время учёбы, «отрывались» на дачах в Буче и Ирпене, ездили в Крым, Одессу или Карпаты. Мы и женились все приблизительно в одно время, были друг у друга на свадьбах свидетелями, потом в наш круг вошли и жёны.

После моего отъезда в Америку прошло едва ли не четверть века. Из Америки друзьям в Киев с каждым годом я звонил чем дальше тем реже; жизнь иммигранта в Нью-Йорке слишком отличается от жизни киевлянина в Киеве, общего у нас становилось всё меньше. С первых же дней в Штатах у меня началась бешеная напряжённая жизнь: поиски работы, изучение английского языка, поиски себя. Иногда приходилось работать одновременно и в двух, а то и в трёх разных местах, тыкаться во все дыры, чтобы не

просто приспособиться к новой жизни в чужом месте, но и чего-то добиться. И при этом нужно было вносить свою лепту в семью, в семейную кассу, в воспитание сына и заботу о пожилых родителях.

Когда я звонил в Киев в какую-то дату, скажем, в день рождения друга или его жены, наши разговоры затягивались до бесконечности. Они, в Киеве, были готовы говорить часами, а я жил с ощущением, что мне постоянно нужно куда-то спешить, что у меня полно важных, неотложных дел, а времени в обрез, что я ничего не успеваю и сейчас трачу в этой телефонной болтовне своё драгоценное время. Разговоры с киевскими друзьями вызывали у меня сильное раздражение и досаду ещё и оттого, что наши жизни теперь слишком разные, поэтому мы больше не можем быть близкими, как прежде. Друзья в Киеве наверняка это тоже чувствовали, я догадываюсь, и оттуда, с того берега океана, я тоже всё реже получал от них звонки и месседжи по Фейсбуку или Вотсап.

Украина же для меня была страной третьего мира.

Моя жена по национальности — смешанная украинка и русская, родившаяся и выросшая в Киеве. Двадцать пять лет назад мы с ней встретились и поженились перед отъездом в США. Она вообще не считала Украину страной. «Украина — это не страна, а территория. Всё, что там происходит, меня совершенно не интересует», — заявляла она, когда изредка я делился с ней какой-то новостью из Украины, случайно попавшейся мне на глаза в ленте новостей. Такой категоричный взгляд моей жены на Украину — «не страну, а территорию» — мне не нравился из-за своей упрощённости. Однако, по сути, я тоже так считал.

Ну да, ну да, Киевская Русь, «Плач Ярославны», Киево-Печерская лавра... Казачество. Еврейские погромы

Богдана Хмельницкого, которого несколько поколений украинских евреев после его смерти ещё называли «Хмельзлодей». Гайдамащина. Опять еврейские погромы, повешенные или с отрезанными гениталиями еврейские шинкари в польско-украинских городках и посёлках. Неудачная попытка украинской государственности во время революции начала прошлого века, когда украинцы передрались между собой и снова почти на целое столетие утратили шанс иметь своё государство. И нынешняя Украина — сборище коррупционеров у власти, взяточников, барыг с поросячьими глазёнками, которые понятия не имеют о гражданском долге, а движимы только неистребимой тягой к корыту, где деньги, деньги, хаты на Печерске. Убийственный непрофессионализм, продажность, глупость. Каждый народ достоин своей власти. И кто сказал, что все народы равны? Народы — как люди, среди них есть талантливые и бестолковые, просвещённые и дремучие, миролюбивые и воинственные, и т. д. Об этом не принято говорить вслух, но так оно и есть, трудно отрицать очевидное.

Я привык к той мысли, что у меня нет родины. Украина не была мне родиной. Америка родиной не стала.

Но это не беда. Нельзя прожить без хлеба и без воды. Нельзя прожить без воздуха. Трудно прожить без крова, без денег, без семьи. Это потребности первоочередные, базовые. Без родины прожить можно. Без родины никто не умирал.

В Америке меня называли «русским» (Russian) — как «русскими» до недавнего называли почти всех иммигрантов из бывшего Совка. Изредка я вяло поправлял: «Я не из России, а из Украины». Но многие американцы не знали, что это за страна — Украина и где она находится. А объяснять, что я — еврей, из Украины, но мой родной

язык — русский, — такое может и вовсе сбить с пантельку неосведомлённого собеседника. Поэтому я давно привык к тому, что в Америке я «русский». И, кстати говоря, не видел в этом ничего плохого. Напротив, быть «русским» в Штатах всё-таки гораздо лучше, чем «жидом» в Украине. Русский — всё-таки представитель великой нации, прославившейся, в первую очередь, своей культурой. Я всегда чувствовал себя связанным незримыми прочными нитями с Толстым, Пушкиным, Булгаковым, Есениным, Шукшиным, героями русских народных песен. Я их любил и понимал. Русские писатели и поэты, историки, герои романов и песен — и замёрзшие в степи ямщики, и поручики Голицыны, и доблестные русские солдаты, — все они мне были понятны, близки, они были неотъемлемой частью меня. Даже персонажи из блатных песен Высоцкого мне казались благороднее украинских казаков и гайдамаков, которых я — еврей — всегда воспринимал как убийц и гонителей своих предков.

Поэтому я уехал в Штаты. Поэтому темой для своей докторской диссертации я выбрал Древний Рим, но не Украину.

Эти представления мне казались верными и незыблемыми, само собой разумеющимися, не вызывавшими сомнений.

Так продолжалось до 24 февраля 2022 года.

Началась война.

Это не моя война

Сенька, брат! Ты слышал, эти суки окружают Киев?! Сегодня по новостям передавали про какую-то ночную стрельбу на Подоле, вроде бы их разведовательно-диверсионная группа проникла в город. Но их уничтожили. Ты видел эти длиннющие колонны русской бронетехники, идущие на Киев? Кошмар, настоящий кошмар, блин.

— Да, да. Это впечатляет, это круто. Жесть. Они должны сдаться — и всё. Сопротивляться глупо, даже смешно.

— Кто должен сдаться? Украинцы должны сдаться? Ты серьёзно так считаешь? Ты хочешь, чтобы русские танки вошли в Киев? Ты хочешь, чтобы украинцев выгнали из их домов, отправили в Сибирь, а в их квартирах поселились буряты и кадыровцы? Брат, ты что, блядь, не понимаешь, что русские устроят украинцам геноцид такой же, как когда-то немцы устроили евреям?

— Ну, насчёт геноцида ты загнул. Пожалуйста, не сравнивай украинцев и евреев, не ставь их в один ряд. Евреев немцы хотели уничтожить. А хохлов — что? Никто их не будет трогать, заткнут только горлопанов и демагогов, остальных не тронут. Поставят для них ещё пару памятников Шевченко, дадут им бесплатно по кульку гречки, и они успокоятся. Как будто бы ты не знаешь этот народ и никогда с ними не жил. Это жлобы и быдло, которые

устроили свой идиотский Майдан и теперь за это расплачиваются. Они сами во всём виноваты. Или они думали, что Путин им всё позволит и для них всё безнаказанно сойдёт с рук?

— Ты что, брат, топишь за Путина даже сейчас?

— Нет, за Путина я не топлю. Мне тоже многое не нравится из того, что он делает. Но не надо меня агитировать. Я как-нибудь разберусь сам, без твоей агитации. А этим жмурикам в Киеве нужно сдаться. Ещё вот что ты должен помнить: если я уехал из той страны, значит у меня на то были свои причины. И у тебя, кстати, тоже. Это не наша война.

Я молчал.

— У меня вот сейчас другая проблема, — продолжал брат. — Послезавтра я должен ехать в Турцию на курорт. Но Марина мне уже морочит голову, она оказалась страшно назойливой бабой. Не знаю, как я её выдержу там неделю. И зачем я затеял эту поездку? Лучше бы поехал с женой. Но билет взят на её имя, деньги заплачены, а вернуть нельзя.

— Марина? Это твоя новая любовница?

— Да. Разве я тебе не говорил о ней?

— Нет. Но мне это неинтересно. Гудбай, — я нажал кнопку на мобильнике, и наш разговор прервался.

Я всё ещё не мог поверить, что мой брат Сенька — такой. Что он — киевлянин — так отреагирует на эту войну.

Сенька жил в Бремене (город в Северной Германии) немного дольше, чем я в Штатах. Он уехал со своей женой за границу первым из нашей семьи, не дождавшись разрешения из посольства США, где у нас возникла какая-то неразбериха с документами. Сенька был для меня родным человеком, и не только по крови. Я знал, что могу на него во всём положиться и рассчитывать на него в любую мину-

ту. Он меня тоже любил. Когда мы с женой и родителями наконец уехали в Штаты, в Киеве оставалась не проданной наша трёхкомнатная квартира. Сенька, в то время уже находясь в Германии, занялся продажей этой квартиры. Продал её очень выгодно, а потом нам в Америку перевозил деньги — пачки наличных прятал в одежде, несколько раз ездил туда и обратно, пока не передал всё до последнего цента. Конечно, можно было эти деньги перевести через банк, но он считал, что неразумно платить банку за услуги перевода. К тому же у него был повод повидаться со мной лишний раз.

Когда мне впоследствии были нужны деньги — на учёбу, или на квартиру в Нью-Йорке, или на новую машину — я ему писал через Фейсбук: «Брат, мне нужно позарез пятьдесят тысяч. На год». И он отправлял без разговоров. Причём он не был крутым бизнесменом — все годы в Германии работал водителем автобуса, не шиковал, точнее, был скупым, как смерть, умудряясь экономить даже на любовницах. Ни его жена, ни любовницы, ни взрослая дочь — никто не знал, сколько у него денег и сколько вообще банковских счетов. Эту великую тайну он доверял только мне. Если бы в один день я попросил у него одолжить мне ВСЕ его деньги со ВСЕХ счетов, он бы подумал одну минуту и... согласился. А если бы понадобилось, то сам бы эти деньги привёз мне в Нью-Йорк «контрабандой».

Но сейчас я не мог слышать его голоса. Он мне был противен. «Хохлы, жлобы, жмурики. Сами во всём виноваты. Они должны сдаться». Я не мог это слушать. Новости о том, что русские прорвались на Подол, что их ракеты разрушили здания во Львове, что они пытаются высадить десант в Одессе, а в Херсоне по центральным улицам уже ползёт их бронетехника, вызывали у меня душевную

и даже физическую боль. Мне казалось, что какая-то железная лапа вырывает с кровью куски моей души.

Я и сам не знал, из чего состоит моя душа. Не мог предположить, что она создана из прогулок по Подолу, где жила когда-то моя бабушка Хана, к которой я всегда любил приходить в гости; что она создана из Одессы, где мы с женой после свадьбы провели свой медовый месяц; что в душе и Херсон, где мы отдыхали летом с друзьями на студенческой базе отдыха, и Карпаты, куда я ездил в археологические экспедиции на раскопки. Я считал, что схожие реакции на это вероломное вторжение России в Украину должны возникать у любого нормального человека, тем более у моего родного брата, с которым мы были так похожи, прожив вместе в доме под одной крышей в Киеве много лет. Но оказалось — он видит по-своему, совсем иначе.

Он — еврей, и не только по крови. По своей натуре, он из тех затюканных, которым передались рабские гены местечковых евреев, привыкших к многовековым унижениям. Он из тех евреев, которые готовы сразу сдаться, опустить голову и покорно пойти на расстрел в Бабий Яр.

Да, он помнит все обиды, нанесённые ему украинцами. Он помнит травлю в школе, когда одноклассники-хулиганы его оскорбительно называли «жидком» и «маланцем», били его, вымогая деньги. Он помнит, что эту травлю организовала и поддерживала не кто иной, как их классная руководительница, та ещё антисемитка, которая при случае прилюдно позорила и оскорбляла брата, называя его «собакой, которая, может, что-то и понимает, но не в состоянии что-либо сказать». Поэтому Сенька не может и не хочет им этого простить.

А ещё он — финансовый пророк, наверняка уже подсчитал, в какую копеечку грозит вылиться эта война лично

ему. Ведь любая масштабная война — это нестабильность, что неизбежно скажется на экономике. А Германия зависит от российского газа и нефти, сидит на российской нефтегазовой игле. В Бремене, на севере страны, и без войны зимой холодно, зато счета за электричество и газ сумасшедшие. Какие же будут счета в случае, если украинская война затянется?

Неужели я потерял брата? Я не хотел, чтобы это было правдой. Но я также не хотел сейчас его ни видеть, ни слышать.

«Украинская зима» – повесть о военном Киеве декабря 2022 года; о том, каким автор увидел Киев во время своей поездки в Украину из США. Для автора опыт этой поездки оказался бесценным. Надеемся, читатель найдёт в этой повести что-то важное и для себя.

ISBN 978-1-960533-00-5

9 781960 533005

